

В. Н. Барышников

**ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ
«НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» О. В. КУУСИНЕНА***

Причину начала 30 ноября 1940 г. советско-финляндской войны в Москве изначально стремились представить, как следствие серии провокаций на границе, которые «были организованы с финской стороны». Причем, как полагали в СССР, ведение самой войны не должно было потребовать большого напряжения сил и средств. Более того, считалось, что с момента начала боевых действий в Финляндии «безусловно» вспыхнут социальные беспорядки и, таким образом, части Красной армии получат соответствующую поддержку «восставшего финского народа». Это убежденность опиралась на вывод, который сделал еще в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин. Тогда он четко указал, что в случае начала войны «многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям...»¹.

Убежденность в правомерности данного утверждения далее красноречиво подтверждалась теми установками, которые давались советским командованием в преддверии начала самой войны. В частности, в директиве начальника Политуправления Ленинградского военного округа от 23 ноября 1939 г. конкретно указывалось, как должны были вести себя войска с началом военных действий: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа. Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое финляндское подлинно народное правительство»². Как не трудно понять, здесь уже содержалось не только установка относительно поведения военнослужащих в Финляндии, но также «угадывалась» та позиция, которую, как считалось, «займет» финский народ.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Действительно, в Москве советское руководство, убежденное в неизбежности начала революции в Финляндии, решило заранее позаботиться о необходимости организации нового, дружественного к СССР финского «народного правительства». В результате уже на второй день войны на занятой советскими войсками финской территории в поселке Терийоки данное «правительство» было провозглашено. Его возглавил член финской коммунистической партии О. В. Куусинен.

Причем характерно, что сразу же после образования финского «народного правительства», в СССР были предприняты определенные дипломатические шаги, направленные на то, чтобы оно получило международное признание. Однако удивительно, но о попытках советского руководства получить в данном отношении международную поддержку в исследовательской литературе до сих пор написано довольно мало. Более того, существует даже мнение, что при создании «финского правительства» в Москве больше внимания обращали «не столько на население Финляндии и на международное общественное мнение, сколько на советский народ»³. Однако трудно сказать, насколько данная задача для руководства СССР являлась определяющей. Более того, в начале войны внешнеполитические цели, связанные с провозглашением «правительства» Куусинена, для руководства СССР являлись не менее значимыми, чем какие-либо иные. Здесь для «новой финской власти» крайне важным становилось иметь определенные перспективы, в том числе и международного характера.

При этом с учетом внешнеполитической ситуации, которая тогда возникла, сам момент провозглашения «правительства» был выбран в Москве крайне удачно. В день, когда произошло «официальное» объявление о создании этого «народного правительства», из Хельсинки тоже пошла информация о правительственной отставке и об образовании нового кабинета, который возглавил Р. Рюти. Все это в дипломатическом плане, как могло показаться, создавало весьма запутанную ситуацию. В финской столице это, естественно, почувствовали. Характерной оказалась и реакция на произошедшее за рубежом. В большинстве, скажем, лондонских газет вначале расценили сложившееся положение как катастрофу для официальных финских властей, а в министерстве иностранных дел Великобритании вообще стали считать, что Финляндия уже практически утрачена для западного мира⁴.

В целом, тогда из поступавшей в Москву информации было ясно, что ни одно из государств не проявило особого желания оказывать пока какую-либо реальную, действенную помощь Финляндии.

В результате советское руководство приступило к таким действиям, которые должны были продемонстрировать то, что в Москве не считают су-

шествующую в Хельсинки власть законной. 5 декабря в советской печати было опубликовано сообщение, что Верховный совет СССР получил еще 1 декабря обращение от «финского народного правительства» с предложением установить с Советским Союзом дипломатические отношения, и Президиум Верховного Совета постановил «признать Народное Правительство Финляндии и установить дипломатические отношения»⁵. К тому же до этого в органах массовой информации СССР сообщалось, что 2 декабря с «правительством» Куусинена заключён Договор о взаимопомощи и дружбе⁶. Все эти действия четко указывали на то, что в Москве образованию в Терийоки «правительства» явно придавали международное звучание.

Это особенно четко проявилось 4 декабря. Тогда шведскому посланнику в СССР В. Винтеру уже официально сообщили, что Советский Союз «признает только Правительство Финляндской Демократической Республики»⁷. Более того, советское руководство даже явно пыталось показать, что СССР с Финляндией вообще не воюет... а лишь «оказывает помощь восставшему народу Финляндии». Так, в частности, в терминологии при дипломатической переписке советской стороной стали употребляться такие формулировки, как: «вхождение советских войск в Финляндию», «военное продвижение» и т. д.⁸ Также тогда предпринимались еще дипломатические усилия, чтобы создать за рубежом представление о возникновении в Финляндии «революции». В частности, 4 декабря в органах массовой информации СССР уже появились сведения, что финское правительство «в неизвестных целях» уже покинуло Хельсинки⁹. Эту же мысль тогда высказал В. Винтеру и В. М. Молотов¹⁰.

В целом в Москве всеми своими действиями явно показывали стремление решать важнейшие дипломатические вопросы только непосредственно с «правительством» Куусинена. В частности, 7 декабря в Терийоки официально сообщалось об установлении Военно-Морским флотом СССР блокады побережья Финляндии¹¹. Тем самым проявлялось очевидная склонность создать за рубежом представление о реальной значимости «народного правительства».

Эти действия указывали еще и на то, что в Москве явно надеялись на какую-либо международную поддержку «народному правительству». Важным в данном случае для советского руководства могло стать официальное его признание другими странами.

Однако возникал вопрос, какие страны могли поддержать данную линию Москвы?

Здесь, конечно, не все было просто. Первое, что сразу уже бросалось в глаза, являлось то, что провозглашенное в Терийоки «правительство», как это всем было понятно, «появилось неоткуда», но сам факт его обра-

зование провозглашался как некая масштабная «миссия сделать Финляндию счастливой»¹². Это не могло не вызывать общее удивление и весьма критическое к себе отношение. Более того, достаточно быстро законное правительство Финляндии стало открыто демонстрировать свое реальное существование. С этой целью в финской столице был даже организован 6 декабря, в День независимости, официальный прием, на котором присутствовали члены правительства и были также приглашены представители иностранных государств. Этот прием, несмотря на войну, проходил в фешенебельных апартаментах гостиницы «Кемп»¹³.

С другой стороны, в Наркомате иностранных дел уже стали ясно чувствовать, что именно после сообщения о создании «народного правительства» за рубежом начало наблюдаться усиление антисоветских настроений. Как справедливо отметил известный финский исследователь профессор К. Рентола, «если бы Советский Союз начал наступление без марионеточного правительства, ссылаясь лишь на вопросы безопасности Ленинграда... положение было бы иным и на международной арене, и в самой Финляндии»¹⁴. Историк в данном случае имел в виду, что военная уязвимость Ленинграда была достаточно очевидной, в том числе и за рубежом¹⁵. Создание «народного правительства», естественно, приводило к тому, что стремительно стало нарастать откровенное недоверие к СССР, которое, естественно, теперь начало распространяться на все действия, связанные с советской внешней политикой. Это особенно, естественно, стало заметным в среде руководства соседних СССР малых европейских государств¹⁶.

Но с точки зрения международных отношений, в Москве, несомненно, не могли не учитывать существующие у СССР договоры, которые накануне начала «зимней войны» были уже подписаны в Кремле. В частности, очевидно, имелись особые надежды на эффективность советско-германского договора о ненападении, а точнее секретного к нему приложения. Несомненно, советское руководство полагало, что Берлин сможет в международном плане поддержать «народное правительство» Финляндии.

Эта уверенность подтверждается тем, что уже в первый день войны нарком иностранных дел В. М. Молотов четко решил «проинформировать» германского посла в СССР Ф. В. Шуленбурга, что «не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство — дружественное Советскому Союзу, а также [!!! — Авт.] Германии»¹⁷. Фактически, этим заявлением выражалась надежда на перспективу поддержки рейхом задуманной в Москве акции. Причем, заявление затем получило свое дальнейшее развитие, когда 4 декабря Молотов германскому послу еще указал, что сами военные действия, осуществляемые СССР в Финляндии,

имеют форму лишь только помощи «народному правительству Финляндии»¹⁸. Однако прямого обращения к рейху, с предложением признать провозглашенное в Терийоки «правительство», так и не последовало. Таким образом в Москве лишь обозначили перспективу возможных дальнейших переговоров по данному вопросу.

Тем не менее, кроме Германии в начале войны в советском руководстве явно надеялись на дипломатическую поддержку по данному вопросу еще от трех прибалтийских республик. С ними, как известно, СССР тоже накануне начала «зимней войны» подписал военно-политические договоры. Это тоже могло создать условия для их международной поддержки «терийокского правительства». Некоторые исследователи даже утверждают, что советские дипломаты уже негласно начали стремиться побуждать прибалтов именно к этому¹⁹. Однако прямых доказательств данных действий СССР пока не обнаружено.

Единственным более заметным в данном направлении действием стало неофициальное заявление И. В. Сталина в момент официального визита в Москву главнокомандующего эстонской армией Й. Лайдонера, который с 11 по 12 декабря провел в столице СССР ряд официальных и неофициальных переговоров и лично встречался со Сталиным. С эстонским генералом, действительно, начали вестись «прозрачные» беседы о «финском народном правительстве». Причем, как свидетельствуют источники, на Й. Лайдонера произвело большое впечатление неофициальное заявление И. В. Сталина, которое было произнесено им на торжественном ужине. Так, в момент одного из тостов советский лидер неожиданно предложил эстонскому генералу выпить «за независимость» и «народное правительство Финляндии»²⁰. Это, несомненно, потрясло Й. Лайдонера. Он явно почувствовал определенную опасность, прежде всего, для своей страны.

Однако ход советско-финляндской войны не создавал больших перспектив в деятельности «народного правительства». Части Красной армии наступали медленно. Результаты боевых действий в декабре 1939 г. были для советских войск явно не впечатляющими. При этом, как заметил финский исследователь К. Рентола, функционирование «правительства Куусинена, основанного на идеологических представлениях и вере в быструю победу, которая позволила бы превратить театральное представление в реальность», не складывалось²¹. К тому же на занятой СССР финской территории практически отсутствовало гражданское население. Таким образом «правительство» оставалось без «своего» народа. В итоге в Москве уже в течение второй половины декабря вынуждены были, признавая сложившуюся ситуацию, поэтапно отказываться от своего изобретения и вообще от всего прежнего военного и политического замысла.

Более того, в СССР, как и во всем мире, не могли не заметить, что никаких перспектив социального взрыва, который мог привести к возможности начала в Финляндии «революции» и таким образом явиться условием формирования иного «народного» правительства, не случилось. На Западе все это, естественно, тоже учитывали. Достаточно быстро мировое общественное мнение стало более адекватно оценивать случившееся. В частности, советскому руководству по линии наркомата иностранных дел, а также через агентурные каналы НКВД начали четко сообщать, что нигде не воспринимается реально «правительство» Куусинена, как и его внешнеполитические акты²².

Объективно создание «правительства» Куусинена вызвало лишь самый бурный всплеск резкого осуждения СССР. Мировая печать все это квалифицировала не иначе, как только попытку Москвы осуществить идею «экспорта революции». Причем волна критики Советского Союза только нарастала. Она оказалась намного мощнее, чем, скажем, во время вступления советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию или в связи с размещением гарнизонов Красной армии в Прибалтике. Из Парижа, в частности, в Москву тогда сообщалось, что «мы сейчас зачислены в число прямых врагов» и что «больше всего ярости вызвало появление на сцене правительства Куусинена». Советский полпред во Франции Я. Суриц придерживался мнения, что создание «народного правительства» произвело негативное впечатление «даже большее, чем сами военные действия»²³. На Западе стремились своим отношением к «народному правительству Финляндии» создать для СССР, как отметили немецкие дипломаты, только лишь «большие трудности»²⁴.

Но возникает вопрос о позиции тех стран, на которые в Москве рассчитывали? Была ли перспектива международной поддержки «правительства Куусинена»?

Как и во всем мире, в руководстве прибалтийских стран также не особо полагались на перспективу и жизнеспособность «терийокского правительства». Фиксируя это, как доносили в Ригу 17 декабря 1939 г. из латвийского представительства в Москве: «день ото дня чаще слышны утверждения, что Сталин совершил грубую и непоправимую ошибку, признав правительство Куусинена»²⁵. В результате, государства Прибалтики четко дистанцировались от идей какой-либо дипломатической поддержки «кабинета» Куусинена.

Это означало отсутствие всякой перспективы получить содействие по данному направлению «терийокскому правительству». В целом в Москве не моли не скрыть свое разочарование позицией прибалтийских государств. Особенно критически рассматривалась в данном случае позиция Литвы и Латвии. В разговоре с литовским посланником в Мо-

скве В. М. Молотов тогда ее определял тем, что она «отвратительна»²⁶. Но, безусловно, иное трудно было себе представить. Как прямо докладывал в Москву полпред в Латвии И. С. Зотов, здесь «появление Финляндского народного правительства породило испуг в правительственной верхушке»²⁷.

Единственной, наиболее лояльной к политике СССР считалась позиция Эстонии²⁸. Но и у генерала Й. Лайдонера, формально неофициально поддержавшего И. В. Сталина, выводы, относительно существования финского «народного правительства», тоже были вполне адекватными. В Таллинне 1 января 1940 г. он открыто заявил, что «мы, в известной мере, находимся под угрозой, и мы могли бы попасть первыми под удар, правда, не Германии, а нашего восточного соседа»²⁹. В отношении же «герийокского правительства» Й. Лайдонер, внимательно наблюдая за отношением к факту его существования у руководства СССР, тоже фиксировал изменение советской позиции по данному вопросу. Об этом он прямо говорил в беседе с германским дипломатом, подчеркивая, что у него уже сложилось ясное представление, что «Сталин без колебания откажется от Куусинена, если ему покажется, что это будет необходимо для русских». Далее, раскрывая свою позицию по данному вопросу, он указал, что «Куусинен просто является заложником Сталина»³⁰.

Таким образом прибалтийские государства вполне адекватно оценивали ситуацию и трудно было предположить, что они смогли бы в годы войны признать «кабинет» Куусинена.

Что же касается Германии, то ситуация здесь выглядела несколько сложнее. Там также, естественно, особо не собирались «поддерживать» советские инициативы. Более того, по мнению известного финского историка, профессора М. Якобсона, в Берлине даже полагали, что «они уже заплатили Сталину гораздо дороже за то, чтобы им не воевать на два фронта»³¹. Это утверждение, однако не до конца соответствует действительности. Как свидетельствует польский историк С. Дембски, 12 декабря в МИД Германии все же последовал запрос, который исходил от скандинавского куратора в нацистском руководстве Г. Геринга. В нем конкретно интересовались «собирается ли германский МИД признавать “финское народное правительство”»³². Ответ на него, вне сомнения, мог многое прояснить на перспективу советской внешней политики.

В немецком МИДе, однако, дали вполне канцелярский ответ. В нем явно указывалось на то, что там особо не собираются выступать с какими-то инициативами по признанию «кабинета» Куусинена. Герингу просто отписали, что «о существовании этого правительства мы формально ничего не знаем»³³. Это, действительно, «формально» было именно так, поскольку Москва, объективно, никаких переговоров с немецкими ди-

пломатами по поводу действий германской стороны в отношении «правительства» Куусинена не вела. Как подчеркнули в нацистском МИДе, «русские не требовали от нас нотификации по этому правительству»³⁴.

Но тут, конечно, являлось наиболее важным понимать, как действовали бы в рейхе, если бы советское руководство все же решило обратиться с просьбой о признании «терийокского правительства». В данном плане линия МИДа тоже была выработана вполне конкретная. В Берлине посчитали, что, если СССР все же поставит этот вопрос, то «мы будем затягивать время с формулировкой своей позиции»³⁵. Таким образом, в случае успешной операции Красной армии на финском фронте и обращении советского руководства к германской стороне, в Берлине ничего бы не оставалось, как после проволочек признать «кабинет Куусинена».

Любопытным представляются и мнения, которые тогда высказывали также еще американские дипломаты. В соответствии с перехваченным в конце декабря 1939 г. советской разведкой разговора в американском посольстве в Москве, там обсуждали перспективу замены «народного правительства» на законный финский кабинет. Этот кабинет, по мысли американских дипломатов, мог бы возглавить умеренный буржуазный государственный деятель Финляндии Ю. К. Паасикиви, к которому, как утверждалось, Молотов «остаётся благосклонным». По сложившимся тогда представлениям у второго секретаря американского посольства Чарльза Болена, именно таким образом «сохранился бы вид преемственности народного демократического правительства Финляндии и Советский Союз получил бы все, что предусмотрено в договоре с правительством Куусинена»³⁶.

Но эта идея также, как известно, не получила своего развития. В целом было очевидно, что признание «правительства Куусинена» ни коем образом не входило в планы Запада. Там существующую в Финляндии власть продолжали рассматривать в качестве единственной и законной. Также финское руководство рассматривали и в качестве потенциального союзника в деле продолжения борьбы против СССР. Эти представления в годы войны существовали как в Лондоне, так и в Париже. Те же взгляды выражали и в рейхе³⁷. Наиболее ярко данная тенденция проявилась уже в феврале 1940 г., когда Верховный совет союзников принял решение направить в Финляндию регулярные войска, а из Берлина наоборот последовала рекомендация в Хельсинки идти на любых условиях при подписании с Советским Союзом мирного договора. Конкретно тогда Г. Геринг финскому руководству прямо указал: «Мир надо заключить даже на тяжелых условиях, потери можно будет возратить в будущем»³⁸. Из этой фразы можно, фактически, понять то, как в рейхе относились к «терийокскому правительству».

В итоге идея провозглашения «финского народного правительства», с точки зрения международного признания, была обречена на провал. Это в Москве уже поняли к началу 1940 г. А 29 января в Хельсинки получили сообщение о готовности СССР вступить в непосредственные контакты для мирных переговоров с реальным правительством Финляндии. Как не без удовлетворения в своих мемуарах отметил министр иностранных дел Финляндии В. Таннер, «это свидетельствовало, что правительство Отто Вилле Куусинена выброшено за борт»³⁹. Таким образом идея возможного международного признания «кабинета» Куусинена явно утрачивала свою прежнюю актуальность, и Москве оставалось лишь подумать, как побыстрее забыть факт провозглашения «терийокского правительства». В целом роспуск «народного правительства Финляндии» в Советском Союзе состоялся очень тихо. Об этом, как на завершающей стадии войны, когда в Москве шли переговоры с Финляндией о прекращении боевых действий, так и уже после подписания мирного договора, даже не было официально объявлено. Лишь спустя неделю после того, как боевые действия прекратились, 21 марта 1940 г. О. Куусинен, а также некоторые другие члены «правительства» были приглашены в Кремль и приняты лично И. В. Сталиным⁴⁰. Очевидно, именно тогда и решились дальнейшие перспективы бывших членов этого «правительства».

О том, каковы же были их перспективы, стало известно спустя несколько дней. 24 марта Политбюро ЦК ВКП(б) «признало необходимым» принять решение о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику⁴¹, в руководство которой собственно и вошел О. В. Куусинен. Никакого международного признания этой республики, естественно, уже не требовалось. Затем же 29 марта 1940 г. на XVI сессии Верховного Совета СССР В. М. Молотов сообщил, что в результате подписания мирного договора с Финляндией «встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что и было осуществлено».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 12.

² Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 2588. Оп. 13. Д. 30. Л. 6.

³ *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 224. См. также: *Rentola K.* Stalin ja suomen kohtalo. Hels., 2016. S. 34–35.

⁴ См.: *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 68–69.

⁵ Правда. 1939, 5 декабря.

⁶ Там же. 3 декабря.

⁷ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С. 140; Правда. 1939, 5 декабря.

⁸ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII, кн. 2. М., 1992. С. 396, 400.

⁹ См.: Ленинградская правда. 1939, 4 декабря.

¹⁰ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 140; Правда. 1939, 5 декабря.

¹¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 16; Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 34.

¹² См.: *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* Hels., 1951. S. 172.

¹³ См.: *Ibid.* S. 180.

¹⁴ *Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo.* S. 33.

¹⁵ *Ibid.* S. 28.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. С. 363–364, 418, 423, 444; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М., 1990. С. 187–188; От пакта Молотова—Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 213–214.

¹⁷ Документы внешней политики. 1939 год. С. 351; Зимняя война // Международная жизнь. 1989, № 12. С. 217.

¹⁸ Документы внешней политики. 1939 год. С. 366.

¹⁹ *Странга А. Гибель государства // Даугава, 1990, № 5.* С. 86.

²⁰ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. VIII. Washington, 1954. p. 687. Конкретно И. В. Сталин сказал следующее: «Я поднимаю свой бокал за здоровье честного и работающего финского народа, но я поднимаю бокал также за здоровье правительства демократической Финляндии» (См.: Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. Сборник документов. М., 2019. С. 188).

²¹ *Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo.* S. 33.

²² См.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 12; Документы внешней политики. 1939 год. С. 201.

²³ Документы внешней политики. 1939 год. С. 634.

²⁴ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. P. 707.

²⁵ Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. С. 168.

²⁶ Там же. С. 174.

²⁷ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. С. 246.

²⁸ Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. С. 169, 174.

²⁹ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. С. 213–214.

³⁰ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. P. 687.

³¹ *Jakobson M. The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940.* Cambridge; Massachusetts, 1961. P. 185.

³² Дембский С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2017. С. 324.

³³ Цит. по: Там же. С. 324.

³⁴ Цит. по: Там же. С. 324–325.

³⁵ Цит. по: Там же. С. 324.

³⁶ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 398.

³⁷ См.: Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004. С. 80–90.

³⁸ Цит. по: *Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota*. Keuruu, 1975. S. 110. Подробно см.: Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2012. С. 56; Барышников В. Н. Герман Геринг и проблема окончания «зимней войны» // Скандинавские чтения 2008 года. СПб., 2010. С. 144–154; Барышников В. Н. Роль Германии в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 2. С. 236–263.

³⁹ *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana*. S. 235.

⁴⁰ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996, № 2. с. 12.

⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3 (ПБ). Д. 1017. Л. 6.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 80–90.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

Барышников В. Н. Роль Германии в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2009. № 2. С. 236–263.

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб. Изд-во РХГА, 2012. 196 с.

Барышников В. Н. Цели СССР в «зимней войне» в контексте возникновения терийокского «правительства» // Терийоки (Зеленогорск), 1548–1998. История, культура, традиции: Посвящается 450-летию города. Санкт-Петербург, 1999. С. 64–68.

Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019. 448 с.

Дембский С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М.; Политическая энциклопедия, 2017. 814 с.

Лайне А. Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета; Kikumora publications, 1998. С. 223–250.

От пакта Молотова—Риббентропа до договора о базах. Таллинн: «Периодика», 1990. 214 с.

Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. М.: Международные отношения, 1990. 539 с.

Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб: ООО «Издательство Полигон», 2000. 544 с.

Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. VIII. Washington: Publisher. United States Government Printing Office, 1954. 974 p.

Jakobson M. The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940. London: Oxford University Press, 1961. 281 p.

Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. Hels.: Tammi, 1972. 306 s.

Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. Keeruu: Otava, 1975. S. 255.

Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo. Hels.: Otava, 2016. 240 s.

Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels.: Tammi, 1951. S. 439.